Л. С. Дампилова, Н. Р. Ойноткинова

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: ЛЕКСИКА И КОНТЕКСТ¹

В данной статье рассматривается в семантическом контексте с обрядовым действием лексика в сибирских тюркских и монгольских языках, связанная с культом гор, земли и воды. Основными языками исследования являются алтайский, бурятский и якутский с привлечением монгольских, хакасских, тувинских параллелей. У тюрко-монгольских народов прослеживаются общие принципы организации сакрального пространства, концептуально схожие ритуальные действия в коллективном обряде, посвященном духам-хозяевам местности, присутствуют универсальные атрибуты и символы, характерные для шаманизма и буддизма. Впервые проведен сопоставительный анализ лексем, семантики и символики слов, связанных с обрядовыми действиями и сопровождающий их вербальный контекст. Целью работы является выявление сохранности, распространения и трансформации культурных универсалий, имеющих вербальное выражение. Актуальным представляется исследование древнейших культурных кодов, сохранившихся в предметной и акциональной сферах обрядности. Понятие культурного кода в изучении обрядности позволит получить ключ к пониманию культурной картины мира и расшифровать глубинный смысл составных частей обряда (смыслов, знаков, символов, норм и т. д.). В итоге констатируем, что некогда существовала единая тюрко-монгольская традиция шаманизма, имевшая общую культурно знаковую систему, что подтверждается лексическим материалом и их обрядовым контекстом. Рассмотренные два основных ритуала жертвоприношения (кровавые и бескровные) доказывают как древние связи, так устойчивую универсальную последовательность и сохранность акциональных кодов в обрядовом событии монгольских и тюркских народов Сибири. Выявлено, что ключевые лексемы, используемые в предметном коде, имеют универсальную семантическую нагрузку в обрядовом событии. Лексические соответствия и схожие ритуальные предметы и действия, скорее всего, доказывают восхождение обряда к единым корням с последующими региональными и временными трансформациями. Установлено, что одинаковые атрибуты ритуала со схожим или разным лексическим обозначением являются архетипами, отражающими общие культурные коды тюркских народов Сибири и монгольских этносов.

Ключевые слова: *тюрко-монгольские народы, культурные универсалии, культурный код, историческая лексика, обряд.*

Введение

Сравнительно-сопоставительный анализ семантики, символики и лексики в обрядовом действе монгольских и тюркских народов Южной Сибири открывают универсальные коллективные представления, заимствованные или восходящие к общим древним корням, и отражающие общие культурные коды языков. В обрядах востребованы особые правила поведения, объяснимые символическим характером ритуала и религиозно-мифологическим его восприятием. Ритуалы, связанные с сакральным действием, создают коллективное религиозное сознание, в которое втянуты все участники, находящиеся в строго определенном пространстве. Культовые действия, посвященные божествам и духам природы, имеют прагматический статус. Целью данной работы является выявление универсальных черт в культовой обрядности сибирских этносов, проявляющихся в культурной лексике, поскольку она вы-

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

полняют функцию кодирования информации духовной культуры народа. В работе впервые рассматривается культурная лексика, используемая в коллективных обрядах, связанных с культом гор, земли и воды, имеющая параллели в тюркских и монгольских языках.

В историко-этнографических трудах достаточно сведений о культе земли и гор, подробно исследована структура обряда каждого из исследуемых нами народов. Л. Н. Гумилев отмечал сходства в форме и содержании обрядов жертвоприношений у древних тюрков и бурят [1967]. Первый опыт сравнительного изучения обряда почитания местности был представлен в работе К. В. Вяткиной «Общие черты в материальной и духовной культуре бурят, западных монголов и южных алтайцев» [1964]. В трудах Г. Н. Потнина, Т. М. Михайлова, А. В. Анохина, С. И. Вайнштейна, Е. Н. Романовой, Н. Б. Дашиевой и др. отражены некоторые аспекты сравнительных исследований по культу местности. В нашей работе учтены лингвистические исследования Э. В. Севортяна, А. К. Антонова, Т. А. Бертагаева и др., касающиеся вопросов этимологии названий ритуальных действий. В статье впервые проводится в сравнительном аспекте анализ лингвистических, этнографических и фольклорных данных в обрядовой практике сибирских этносов.

Актуальность работы обусловлена значимостью изучения лексики обряда и ритуального действия для выявления сходств и различий, установления исконных форм и реликтовых черт традиционной культуры народов Сибири. Исходя из современных требований гуманитарной науки, актуальны междисциплинарные исследования, связанные с бытованием традиционной культуры, лексики, структуры и семантики обрядовой традиции. В работе в основном использованы материалы с XIII в. до современности для определения архаичного пласта обрядовых традиций.

Как отмечают исследователи, «коды национальной культуры принадлежат национальной части культурного национального пространства, во многом отражают и определяют особенности языкового сознания и языковой картины мира представителей того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков, Ковшова, 2007: 124]. Подчеркивая универсальный характер кодов культур, следует учитывать национальное своеобразие, заключенные в них смыслы. Наличие специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, указывает на особенность культуры, отраженной в мышлении народа.

Анализируя структуру обряда и сопровождающего вербального материала, выявляется общая смысловая парадигма, характерная для тюрко-монгольских традиций. В работе не ставится задача цельного анализа структуры обряда, посвященного духам местности, т. е. гор или земли, рассматриваются лишь ключевые лексемы, отражающие те или иные культурные коды. Можно предположить, что наиболее устойчивые ключевые кодовые слова, сохранившиеся в коллективной памяти обрядовых повторяющихся событий, транслируются во времени и пространстве. Это касается и всего обрядового действия, «ведь «наиболее существенные для жизни коллектива прецеденты, определяющие соответственно ключевые ситуации, воспроизводились в обряде» [Байбурин, 2005: 15].

Материал и методы исследования

Полученные ранее результаты изучения обряда поклонения Алтаю (*Алтай такыганы*) у алтайцев, этого сложного культурного знака с различными кодовыми составляющими — персонажным, предметным, временным, пространственным, акциональным, показали, что он представляет собой многоплановое культурно-историческое явление, вобравшее элементы древних языческих и шаманских культов, также некоторых элементов ламаизма. Коллективный акт жертвоприношения духам-хозяевам местности и священных гор у алтайцев имеет общие черты с календарной обрядностью тувинцев, монголов и бурят, что подтверждается историко-этнографическими и лингвистическими фактами.

Сравнительно-сопоставительный анализ обрядовой лексики алтайцев, хакасов, тувинцев, якутов и бурят, отражающих культурные коды и этническую ментальность, позволит определить универсальные особенности обрядового действия. Актуальным представляется исследование сохранившихся в кодовых словах древнейших форм художественного сознания и особенностей языка. Диахронический компаративистский анализ ритуальных действий представляют особый интерес для уяснения генезиса, процессов развития и трансформации традиционных шаманских обрядов народов Сибири.

Обряд, посвященный духам местности

Тайлган (бур.), **тайылга** (алт.), **ысыах** (як.)

В тюрко-монгольской традиции существовали специальные обряды, посвященные духам гор, земли и воды, которые называются *тайлган* (бур.), *тайылга* (алт.), *ысыах* (як.). Название обряда *тайлган* в бурятском языке означает «религиозное почитание духов-покровителей путем жертвоприношения» [Черемисов, 1951: 410]. В монгольском языке *taulγa* «приносить жертву» [Рассадин, 2019: 193]. Слово *тайлган* имеет древние корни и применяется в шаманской практике, в буддизме название обряда трансформировалось в *тахилга* от глагола *тахиха* «жертвовать». В бурятской традиции оба слова остаются в активном применении.

Алтайское слово *тайылга*, от глагола *тай-* означает «приносить в жертву» [Баскаков, Тошакова, 1947: 139]; в хакасском *тайыг* «моление духам гор, рек и неба» [ХСР, 2006: 578], аффикс *-ыг* характерен для тюркских языков. Другой алтайский глагол *такты-* «приносить жертву», «совершать религиозный обряд» [СААНТЯ, 1884: 327], имеет свою лексическую параллель в бурят-монгольском — *тахиха*.

Якутский *ысыах* близок шорскому *шаачыг* — обряду окропления белой пищей, посвященному духам гор и рек. В семантическом аспекте якутское слово *ысыах* соотносится с бурят-монгольским *сасал* и тюркским *чачыл*. «*Ыс, ысыы* [ср. тюрк. *чач, чэч, сач, сас, шаш* «разбросать», «рассыпать», «брызгать», «кропить», «делать возлияние», <...> *сачу-* «сеять», «рассеивать», <...> *чачу-* «сыпать», «сеять», «приносить жертву»] «разбрасывать», «раскидывать», «рассеивать», «сыпать», «прыскать» [Пекарский, 1959, III: 3825–3826]. По мнению Н. К. Антонова «*Ыс, ысыах* являются исконными и соответствуют тув. *чажыг* «священная жидкость, разбрызгиваемая при совершении обрядов культа» [Антонов, 1971: 134–135]. Также он считает, что «монгольские *цацах, сасах* являются тюркским заимствованием» [Антонов, 1971: 135].

Таким образом, якутский обряд поклонения духам местности обозначен одним из главных ритуалов как подношение белой пищи богам в виде брызгания и капания. По сути в якутской традиции трансформации подверглось название самого обряда при всех сходствах в культурных кодах (акциональном, временном, пространственном и персонажном). В сакральном пространстве участники ритуала знают и соблюдают правила традиционных кодовых действий, предводители ритуала определяют семиотический статус всех призываемых персонажей-духов.

По материалам экспедиций авторов работы и архивным данным, композиционно обряд начинается с обращения к духам предков, которые могут дальше донести молитвы до высших божеств. Специфика обрядового действия в том, что обязательное присутствие «чужого в своем» пространстве предполагает взаимодействие двух миров. Духи предков, находясь в ином мире, являются передаточным звеном [ПМА 1]. Примечательно, что исследуя обряды древних тюрков, Н. Л. Гумилев отмечает: «Предки, отнюдь, не рассматривались как духи-помощники, но как заступники и представители перед божеством тэнгриев» [Гумилев, 1967: 82]. Следует заметить, что якутский обряд *ысыах* имеет дополнительное название *тунах ысыах*, где слово *тунаах* означает послед, семантически восходящее к понятию «белое изо-

билие от последа предков», в якутской традиции место захоронения последа идентифицируется с понятием *алтан туона* «центр матери-земли» [ПМА 2]. Таким образом, по мифологической традиции тюрко-монгольских народов духи предков, выполняя функции заступников и охранников, имеют непосредственную связь со своими потомками через обряды.

В общественных обрядах, посвященных почитанию духов местности, главным прагматическим действием являлась просьба благодати. Для умиловления духов и небожителей, получения благословения и дара проводился ритуал жертвоприношения. М. Н. Хангалов методы жертвоприношения во время бурятского *тайлгана* делил на кровавые жертвоприношения домашними животными, бескровные жертвоприношения из молочных продуктов и смешанные жертвоприношения домашними животными и молочной пищей [Хангалов, 1958, I: 118].

Бескровное жертвоприношение

Сасал (бур.), *чачылга* (алт.), *ибир хамыйах* (як.)

В тюрко-монгольской традиции обязательным элементом в структуре бескровного жертвоприношения является ритуал окропления, «поднятия» молочной пищи *сасал*, *чачылга*. У бурят и монголов во время обряда брызгают и капают молочной пищей и горячим чаем с молоком. Бурятское *сасал*, монгольское *цацал* и алтайское *чачылга* имеют единые лингвистические и семантические корни, восходят к глаголам 'разбрызгивать', 'кропить', 'сеять'. *Чачылга* 'жертвенное кропление; брызги'; < монг. *сасылуа*, монг. *саса* - 'брызгать, кропить' [Рассадин, 2019: 152]; шор. *Шачыг* с тюркским формантом *-ыг*). В бурятской, алтайской традиции сохранились слова *дээжэ* — *теежи*, восходящие к одному корню, обозначающие первую пищу для ритуала.

В традиции исследуемых нами народов молоком, бараньим бульоном и редко молочной водкой совершают окропление (*чачылгы*). Для этого, как правило, используют чистые деревянные пиалы и ложки, специально предназначенные для обрядовых действий. У бурят и монголов на этих ложках вырезаны пять мастей основных животных, составляющих богатство кочевника. Якутские обрядовые ложки и ковши имеют разные формы, резьбу по дереву и художественные оформления в виде орнаментов, птиц и т. д. Якутские ложки называются *ибир хамыйах* от глагола «брызгать ртом», что является синонимом *ысыах*, отдельного слова в этом элементе обряда у якутов нет. Якуты почитаемым духам в сакральных деревянных *чоронах* поднимают кумыс. В сакральное пространство входит место, куда брызгали кумыс, и туда не должна вступать нога человека и скота [ПМА 2].

Как видим, в предметном коде отображены знания о различных предметах окружающего мира, принадлежащие к фонду общей для всех носителей языка информации. Тэрнер также отмечал, что в разных локальных этнических традициях «предметы и соответственные действия — не просто вещи, символизирующие иные вещи или нечто абстрактное, они являются непосредственной частью тех сил и целительных действий, которые они представляют» [Тэрнер, 1995, с. 41]. Сакральный предмет приобретает символическую функцию.

Кровавое жертвоприношение

Ззүхэли (бур.), *јүкели* (алт., теленг), *табык* (як.)

В кровавых жертвоприношениях бурят одним из архаичных является ритуал «вознесения души жертвенного животного божествам» *зүхэли гаргах*. По мнению Д. С. Дугарова, слово происходит от глагола *үхэхэ өөдөө* «возноситься вверх» [Дугаров, 1991: 100]. Древний обряд жертвоприношения *зүхэли* (бур.) / *чжугели* (монг.) описан в летописном памятнике «Сокровенное сказание монголов» [Сокровенное сказание, 1990] и «Алтан тобчи» [Лубсан

Данан, 1973]. Подробно приведены примеры данного ритуала во время бурятского тайлгана: «Шкуру животного снимают и вешают на березу *зүхэли* позади *тургэ*; в ноздри втыкают березовые веточки, а на голове укрепляют *жидо*; справа от *зүхэли* устанавливается березка, обвешенная лентами» [Хангалов, 2004, 1: 314].

У алтайской лексемы *жүкел* в словаре указано значение «изображение на шаманском бубне длинного шеста, на котором висит шкура жертвенного животного» [Баскаков, Тощаккова, 1947: 60]. В алтайском, как и в теленгитском, языке слово *тайылга* обозначает: 1. жертва; 2. приспособление для шкуры жертвенного животного» [СААНТЯ, 1884: 327]. Глагол *такы-* имеет лексические значения: 1. Жертву приносить [СААНТЯ, 1884: 327]. Так, например, по воспоминаниям пожилой теленгитки, она видела, как в 40-е гг. XX в. в селе Язулу Улаганского района проводился обряд *Жер такыган* 'Жертвоприношение Земле'. В то время еще делали *тайылга* как в пору широкого бытования шаманизма: шкуру жертвенного барана вешали на длинную деревянную жердь, а мясо варили для жертвенного блюда [ПМА 3]. Таким образом, в тюрко-монгольской традиции наблюдается сохранение универсального слова *жүкел* как элемента этого ритуала, а сам ритуал получает новое название, что доказывает устойчивые универсальные составляющие как самого действия, так и его лексического обозначения.

Примечательно, что у якутов словом *табык* называется 'шкура жертвенной лошади, чучело которой вешали на дереве, ориентируя на юг, восток или запад' [ПМА 2]. Во время кровавых жертвоприношений ритуал вознесения животных к Небу был общим в тюрко-монгольской традиции. В алтайской и бурятской традиции ритуал или его элемент сохранился под общим названием *зүхэли*, а в якутской традиции известен как *табык*. Итак, изначально по одинаковому сценарию с одними и теми же атрибутами проводились ритуалы жертвоприношения, и в разных этнических традициях сохранились универсальные элементы обряда.

Предметные коды в сакральном пространстве обряда

Зээли (бур.), *јеле* (алт.), *ситии баайы* (якут.)

Во время обряда сакральное пространство обязательно отмечалось разными утилитарными предметами (веревочками, ленточками), которые становились ритуальными вещами с особым назначением. Обязательной составляющей алтайского обряда *Жер такыыр* 'Землю почитать' являются две березы с натянутой между ними веревкой, куда в парном (четном) количестве развешивали ленточки, данный обряд алтайцы называют *јеле*.

Береза является ритуальным деревом и во всех обрядах бурят, протягивалась веревка, также называемая *зээли* между вкопанными березами, которые назывались *түүргэ*. Оформление сакрального пространства *чэчир* — двумя шестами с перекладиной, украшенными молодыми берёзками во время обряда *ысыах* у якутов является идентичным с обрядами сибирских народов. Як. *чэчир* имеет тюрк. параллели: др.-тюрк. *йаш* 'зелёный', 'молодой' [ДТС, 1969: 246, 247], тат. *йэшир*, алт. *йажар* (совр. *јайык*), чув. *ешер*, хакас. *чазар* 'зеленеть', [Антонов, 1971: 135]. Натянутые веревочки, на которые также вывешивались ленточки, называются *ситии баайы*, что означает «привязывать веревку» [ПМА 2]. Следует отметить, что в якутском языке в обрядовых действиях чаще используются слова в своем основном значении. Возможно, не сохранились их ритуальные обозначения, а обряд по общему сценарию с сибирскими народами устойчиво переходил от поколения к поколению.

Залама (бур.), *јалама* (алт.), *салама* (як.)

Во время обряда *тайлган* буряты на веревочки вешают жертвенные ленточки — *залама*. Ленточки, посвященные божествам, вешают от каждого члена семьи. Якуты также украшают разноцветными ленточками (*салама*) сакральное пространство. В алтайской традиции, чтобы заслужить благосклонность духов, также развешивают ленточки

(*жалама/кыйра*) на деревья и адресуют благопожелания духам-хозяевам священных гор, рек и озер. Считается, что яркие ленты не только радуют божество, но символизируют защитные функции, отгоняя злых духов. «Ключевым смысловым значением данных ритуалов является отношение к *залама/залаа* как вместилищу чудодейственной положительной энергии плодородия, цветения, размножения» [Дашиева, 2012: 41].

Шэрдэг (бур.), *ширдек* (алт.), *олбог* (бур., як.)

К атрибутам сакрального пространства относятся как сакральные, так и утилитарные обиходные предметы. А. К. Байбурун в связи с этим отмечает, что «в каждый отдельно взятый момент своего существования вещь обладает тем или иным семиотическим статусом» [Байбурун, 2005: 15]. И особо значимо, что названия этих предметов звучат одинаково в тюркских и монгольских языках. Так, например, во время *тайлгана* у бурят обязательным атрибутом был белый войлок (*шэрдэг*). Все присутствующие на обряде свои дары богествам складывали именно на чистый войлок.

В современной алтайской обрядовой традиции широко используется ритуальный предмет войлочный белый коврик – *ширдек* для вынесения ритуальных сырных фигурок (*шатра*) к жертвенникам (*күрее*), выложенным из каменных плит, сооружаемым **на восточной стороне горы**. На *ширдеке* изображаются солнце, луна, гора, животные, юрта, домашний очаг, мужчина и женщина. Основанием изображения является гора, которую алтайцы отождествляют с почитаемой горой Ёч-Сүмер (Белухой). Для аппликаций наиболее предпочтительна цветовая гамма: белый, желтый, синий и зеленый, исключаются черный и красный цвета. *Ширдек* изготавливают из шерсти белого ягненка, и при работе с войлоком исполняются благопожелания или песни и таким образом *ширдек* благословляется, а затем освящают коврик. *Ширдек* является одним из важных сакральных ритуальных предметов, воспеваемых в обрядовых текстах и песнопениях возвеличивания Алтая: *Ак ширдекти жайдыбыс, / Алтайыс жакшы көргөй не?* ‘Белый *ширдек* расстелили / Понравится ли [Алтаю]? [ПМА 3].

Значимым кажется, что в бурятской традиции, если во время обряда шаман входил в измененное состояние сознания, необходимо было посадить его обязательно на сакральный войлок, не касаясь земли, соприкосновение с обычной землей могло привести к плохим последствиям. Данный ритуал явно перекликается с якутской традицией: когда шаман входит в измененное состояние сознания, он ни в коем случае не должен упасть на землю и сажают его только на кожаную подушку *олбог*. В бурятском языке почетную подушечку также называют *олбог* [ПМА 2]. Особо значима сохранившаяся в якутской традиции примета, что «если это случится, умрет десять человек» [Попов, 2006: 53]. Думается, обрядовые правила, связанные с сакральным войлоком или потником, взаимосвязаны между собой, и в каждой традиции сохранились трансформированные виды развернутого или сокращенного варианта ритуального действия.

Арса (бур.), *арчын* (алт.), *арчи* (як.)

Любой обряд обязательно очищают и освящают травой можжевельник (*арчын* (а-к.), *артыш*, *аршын* (тел.), *арцын*, *арачан* (чал.), *арчы*, *арша* (каз.). В приведенных выше примерах слово можжевельник одного корня, имеющее схожее звучание. Вечнозеленый кустарник с гор является универсальным оберегом. В якутском языке можжевельник сам называется *кытыан*, но что удивительно, древнее название травы *арчи* перенесли на сам обряд очищения, куда входит и обряд очищения огнем [ПМА 2].

В практике алтайских народов сохранились вербальные материалы к разным обрядовым событиям. Так, например, при сборе можжевельника соблюдаются ритуальные правила, связанные с миром духов, необходимо получить разрешение самого хозяина Алтая. Не менее значимы правила использования можжевельника, помимо основного символа как очищающей силы, он востребован и для гадания. В бурятской традиции можжевельник также является очищающей и защищающей силой, в вербальных материалах существует древнее формульное выражение, встречающееся в разных вариациях: «На Алтае, Хангае выросшим /

Чистым прекрасным / Можжевельником очищаем» *‘Алтай Хангайдаа ургасан / Ариун сайхан арцаар Ариутган цэвэрлэж’* [Ринчен, 2013: 108, перевод Л. С. Дампиловой].

Тюрко-монгольский мир почитает траву можжевельник как символ с места первотворения мира. Именно в этом смысле отмечает В. Н. Топоров: «Для архаического самосознания высшим престижем обладает то, что сакрально, а сакрально то, что «космологично», что находится в начале творения и что может и должно воспроизводиться ежегодно в основном ритуале данной традиции» [Топоров, 1995: 11]. Можжевелевая трава и пихтовая веточка, отвечая требованиям мифологической символики, в ритуальных действиях имеют семиотический статус. В ходе сравнительного анализа в общем обряде поклонения духам местности выявляются устойчиво сохранившиеся единые ритуальные действия и трансформация общих названий элементов ритуала.

Заключение

Таким образом, выявлено, что ключевые лексемы, используемые в композиции действия (кровавые и бескровные жертвоприношения, предметы сакрального пространства) имеют универсальную семантическую нагрузку в обрядности тюркских и монгольских этносов. Установлено, что одинаковые атрибуты ритуала со схожим или разным лексическим обозначением являются архетипами, отражающими общие культурные коды. В символических системах этих культур издревле выработался единый опыт, в последующем оказывающий влияние на ритуальное действие во всем пространстве, связанном с тюрко-монгольским миром. Выявленные ключевые слова стали знаковыми элементами обрядности и проявляют себя в культурных кодах, а именно в предметном и акциональном. Несомненным представляется тот факт, что непрерывность и сохранность культовых обрядов на протяжении долгого времени у этих народов дает возможность для стабилизации воспроизводимых элементов как предметного, так и акционального кодов. Компаративистский анализ материала указывает на универсальность обрядовой терминологии и семиотической структуры культовых обрядов у тюрко-монгольских народов, восходящих к единой архаической традиции.

Литература:

- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 175 с.
- Байбурун А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
- Вяткина К. В.** Общие черты в материальной и духовной культуре у западных монголов, бурят и южных алтайцев. М.: Наука, 1964. 218 с.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.** Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Гумилев Л. Н.** Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 560 с.
- Дашиева Н. Б.** Традиционные общественные праздники бурят: история и типологии. М.; Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. 211 с.
- ДТС** — Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Дугаров Д. С.** Исторические корни белого шаманства: (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Лубсан Данзан.** Алтан тобчи («Золотое сказание») / Перевод с монгольского, введение, комментарии и приложение Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 439 с.
- Михайлов Т. М.** Найгурские песнопения о хоринских двух заянах // Традиционный фольклор бурят. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1980. С. 141–153.
- Неклюдов С. Ю.** «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К. В. Чистова / Отв. ред. А. К. Байбурун, Т. Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 40–47.

- ОРС** — Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. М.: ГИС, 1947. 312 с.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: В 3-х т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 1958, 1282 стб.; Т. 2. 1959, 2508 стб.; Т. 3. 1959, 3858 стб.
- Попов А. А.** Камлание шамана. Новосибирск: Наука, 2006. 458 с.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / Под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.
- СААНТЯ** — Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. Протоирей В. Вербицкий. Издание Православного Миссионерского общества. Казань: Типография В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, 1884; 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. Переизд. 504 с.
- Сокровенное сказание монголов** / Пер. С. А. Козина. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.
- Топоров В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
- Тэрнер В.** Символ и ритуал / Составитель и автор предисл. В. А. Бейлис. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Хангалов М. Н.** Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. / Под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 508 с.
- Хакасско-русский словарь** / Отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь. М.: Гос.-изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
- Ринчен Б.** Монгол бөөгийн дуудалга. Улаанбаатар: «Удам соёл» ХХК, 2013. 300 х.

Источники:

- ПМА 1** — Зап. Л. С. Дампиловой в 2010 г. от Ангажанова Спаса Константиновича, 1928 г. р., булагат, с. Харагун, Боханский район, Иркутская область.
- ПМА 2** — Зап. Л. С. Дампиловой от Захаровой Агафьи Еремеевны, 1948 г.р. в 2020 г. в г. Якутск.
- ПМА 3** — Зап. Н. Р. Ойноткиновой и Е. И. Исмагиловой в 2009 г. в с. Улаган Республики Алтай от Т. В. Кеденовой, 1937 г.р., из рода Кёбёк (с. Саратан Улаганского района).

Дампилова Людмила Санжибоевна, доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН, лаборатория «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык».

Ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Ойноткинова Надежда Романовна, доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН, лаборатория «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык».

Ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: sibfolklore@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16 апреля 2021 г.

L. S. Dampilova, N. R. Oinotkinova

CULTURAL UNIVERSALS IN THE RITUAL TRADITION OF THE TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES: VOCABULARY AND CONTEXT²

The authors consider the vocabulary of Siberian Turkic and Mongolian languages, related to the cult of mountains, land and water in a semantic context with the ritual action. The main languages of the study are Altai, Buryat and Yakut with the involvement of Mongolian, Khakas, and Tuvan parallels. In rites of Turkic-Mongolian people devoted to the host spirits of the area, the general principles of the organization of the sacred space, conceptually similar ritual actions are traced. There are universal attributes and symbols which are illustrative of shamanism and Buddhism. For the first time, a comparative analysis of lexemes, semantics and symbolism of words related to ritual actions and accompanying their verbal context was carried out. The purpose of the work is identifying the preservation, dissemination and transformation of cultural universals with verbal expression. A study of the oldest cultural codes preserved in the subject and actional spheres of rite seems relevant. The concept of a cultural code in the study of rite will provide a key to understanding the cultural picture of the world and allows deciphering the deep meaning of the components of the rite (meanings, signs, symbols, norms, etc.). As a result, we state that there was once a united Turkic-Mongolian tradition of shamanism, which had a common culturally significant system. It is confirmed by lexical material and their ritual context. The considered two main rituals of sacrifice (bloody and bloodless) prove both ancient ties and a stable universal sequence and the preservation of national codes in the ritual event of the Mongolian and Turkic peoples of Siberia. It is revealed that the key lexemes used in the subject code have a universal semantics in the ritual event. Lexical correspondences and similar ritual objects and actions most likely prove the ascension of the rite to single roots with subsequent regional and temporary transformations. It was established that the same attributes of the ritual with a similar or different lexical designation are archetypes reflecting the general cultural codes of the Turkic peoples of Siberia and Mongolian ethnic groups.

Keywords: *Turkic-Mongolian people, cultural universals, cultural code, historical vocabulary, rite.*

References

- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoy leksike jakutskogo jazyka [Materials on historical lexica of Yakut language]. Jakutsk: Jakutskoe kn. izd-vo, 1971. 175 s.
- Bajburin A. K.** Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan [Home in the rituals and perceptions of the Eastern Slavs]. 2-e izd., ispr. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 224 s.
- Vjatkina K. V.** Obshhie cherty v material'noj i duhovnoj kul'ture u zapadnyh mongolov, burjat i juznyh altajcev [Common features in the material and spiritual culture of the Western Mongols, Buryats and southern Altaians]. M.: Nauka, 1964. 218 s.
- Gudkov D. B., Kovshova M. L.** Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju [The Body Code of the Russian Culture: the materials to the dictionary]. Moscow: Gnozis, 2007. 288 s.
- Gumilev L. N.** Drevnie tjurki [Ancient Turks]. M.: Nauka, 1967. 560 s.
- Dashieva N. B.** Tradicionnye obshhestvennye prazdniki burjat: istorija i tipologii [Traditional common feasts of the Buryats: history and typologies]. M.; Ulan-Udje: Izd.-poligr. kompleks FGBOU VPO VSGAKI, 2012. 211 s.
- DTS** — Nadeljaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev Je. R., Shherbak A. M. Drevnetjurkskij slovar' [Old-Turkic Dictionary]. L.: Nauka, 1969. 676 s.
- Dugarov D. S.** Istoricheskie korni belogo shamanstva: (na materiale obrjadovogo fol'klora burjat) [Historical roots of white shamanism (on material of ritual folklore of the Buryats)]. M.: Nauka, 1991. 300 s.

---

² This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

- Lubsan Danzan.** Altan tobchi ("Zolotoe skazanie") [The Golden legend] / Perevod s mongol'skogo, vvedenie, kommentarii i prilozhenie N.P. Shastinoy. M.: Nauka, 1973. 439 s.
- Mihajlov T. M.** Najgurskie pesnopenija o horinskih dvuh zajanah [Naigur Songs about Khori's two zayans] // Tradicionnyj fol'klor burjat. Ulan-Udje: BF SO AN SSSR, 1980. S. 141–153.
- Nekljudov S. Ju.** "Jetnograficheskij fakt" i ego fol'klornye jeksplikacii ["Ethnographic fact" and its folklore explications] // Fol'klor i jetnografija. K 90-letiju so dnja rozhdenija K. V. Chistova / Otv. red. A. K. Bajburin, T. B. Shhepanskaja. SPb.: MAJe RAN, 2011. S. 40–47.
- ORS** — Ojrotsko-russkij slovar' [Oiro-Russian Dictionary] / Sost. N. A. Baskakov, T. M. Toshhakova. M.: GIS, 1947. 312 s.
- Pekarskij Je. K.** Slovar' jakutskogo jazyka [Dictionary of Yakut language]: V 3-h t. 2-e izd. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. T. 1. 1958, 1282 stb.; T. 2. 1959, 2508 stb.; T. 3. 1959, 3858 stb.
- Popov A. A.** Kamlanie shaman [The shamanic ritual]. Novosibirsk: Nauka, 2006. 458 s.
- Rassadin V. I.** Očerki po istorii slozhenija tjurko-mongol'skoj jazykovoju obshhnosti [Sketches on history of built of Turk-Mongolian language community] / Pod red. A. V. Dybo. SPb.: Nestor-Istorija, 2019. 608 s.
- SAANTJa** — Clovar' altajskogo i aladagskogo narechij tjurkskogo jazyka [Dictionary of Altai and Aladag dialect of Turkic language] / Sost. Protoirej V. Verbickij. Izdanie Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva. Kazan': Tipografija V. M. Ključnikova, Bol'shaja Prolomnaja ulica, 1884; 2-e izd. Gorno-Altajsk: Ak-Chechek, 2005. Pereizd. 504 s.
- Sokrovennoe skazanie mongolov** [Secret history of Mongols] / Per. S. A. Kozina. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1990. 318 s.
- Toporov V. N.** Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe [Myth, ritual, symbol, image: selected studies in mythopoetics]. M.: Izdatel'skaja gruppa "Progress" – "Kul'tura", 1995. 624 s.
- Tjerner V.** Simvol i ritual [Symbol and ritual] / Sostavitel' i avtor predisl. V. A. Bejlis. M.: Nauka, 1983. 277 s.
- Hangalov M. N.** Sobranie sochinenij [Collected edition]: V 3 t. T. 1. / Pod red. G. N. Rumjanceva. Ulan-Udje: Izd-vo OAO "Respublikanskaja tipografija", 2004. 508 s.
- Hakassko-russkij slovar' [Khakas-Russian Dictionary] / Otv. red. O. V. Subrakova. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 s.
- Cheremisov K. M.** Burjatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. M.: Gos.-izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1951. 852 s.
- Rinchen B.** Mongol böögijn duudalga [Songs of Mongolian shamans]. Ulaanbaatar: "Udam sojol" HHK, 2013. 300 h.

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna, doctor of science (philology), associate professor, chief research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute of Philology, Laboratory "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language".

8 Nikolaeva st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Oinotkinova Nadezhda Romanovna, doctor of science (philology), associate professor, leading research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute of Philology, Laboratory "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language".

8 Nikolaeva st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: sibfolklore@mail.ru